

Инь Сюаньби по-прежнему заслонял собой Лю Цинсяня. Он не опускал стражи, а в его голосе звенело неприкрытое подозрение:

— О чём нам с тобой говорить?

Син Яньчжу, напротив, выглядел совершенно невозмутимым.

— Даже если это касается твоего наставника? — бросил он, лениво растягивая слова.

Последнее слово он выделил особо, вложив в него едва уловимый яд. Лю Цинсянь мгновенно уловил недобрый умысел, скрытый за этой фальшивой вежливостью, и промолчал, не желая давать повода для дальнейших издевок.

Син Яньчжу, ничуть не задетый этой тишиной, вальяжно прислонился к камню и опустил на землю, положив руку на колено. Его вид лучился ледяным безразличием.

— Если вспомнить нашу встречу в городе Иньфэн, то этот недуг мучает шишу Лю уже добрых четыре года, не так ли?

Он прекрасно помнил, как Лю Цинсянь внезапно потерял сознание в трактире за городскими воротами. Кажется, именно тогда Цинсянь впервые спас его.

Эта деталь окончательно убедила Син Яньчжу в верности догадок: каждое обострение болезни Лю Цинсяня было неразрывно связано с ним самим.

В глубине души, словно робкий росток, пробилась радостная надежда.

В прошлой жизни, будучи божеством, он пожертвовал огромным количеством сил, чтобы повернуть время вспять. Это привело к тому, что после возвращения в прошлое его божественное сознание погрузилось в глубокий сон, от которого он начал пробуждаться лишь во время великого отбора.

Проснувшись, он обнаружил, что эта жизнь пошла по иному пути.

Лю Цинсянь, вопреки ожиданиям, взял в ученики Инь Сюаньби, а сам Син Яньчжу, лишенный на тот момент памяти, выбрал путь под началом главы ордена на пике Линьшуан. К тому времени, как он осознал происходящее, место подле наставника уже было занято этим полудемоном.

Воспоминания о том, как нежно наставник заботился об Инь Сюаньби, жгли его изнутри. Мог ли он теперь, со всеми своими знаниями, разорвать их связь?

Однако после окончательного слияния со своей божественной сутью он обнаружил одну крайне любопытную вещь.

В этой жизни Син Яньчжу, казалось бы, преследовала неудача: он не наткнулся ни на один из тех магических артефактов, что находил в прошлом. Но в итоге все полагающиеся ему сокровища всё равно оказывались в его руках.

Син Яньчжу вспомнил одну морозную ночь. Он уже лег, но ещё не уснул, когда услышал тихий звон у окна. Белоснежный силуэт заклинателя промелькнул снаружи, и некий предмет бесшумно влетел в комнату.

Тогда он, ещё не помнящий прошлого, настороженно подошел и подобрал сверток. Внутри оказался Колокольчик чистого звука — артефакт, способный защитить разум от ядовитых туманов.

Позже Лю Цинсянь передавал ему множество других сокровищ и секретных техник. Син Яньчжу тщательно сопоставил их все и понял: это были именно те вещи, которыми он владел в прошлой жизни. Ни больше ни меньше.

Почему Лю Цинсянь отдавал всё это ему? И как он умудрялся с такой точностью выбирать именно те предметы, которые принадлежали Син Яньчжу раньше?

Ответ напрашивался сам собой.

Син Яньчжу невольно торжествующе улыбнулся.

«А что, если... мой наставник тоже помнит всё? Что, если он заранее готовит меня к грядущим испытаниям, оберегая и выискивая всё необходимое? И что, если он готов раз за разом принимать на себя невыносимую боль, лишь бы вырвать меня из лап опасности?»

«В сердце наставника всё же есть место для меня», — с упоением подумал Син Яньчжу. — «Просто он всё ещё злится на меня за прошлое».

Ему казалось, что стоит лишь проявить чуть больше заботы, загладить вину — и наставник непременно вернется к нему. Как возвращался бесчисленное множество раз в той, другой жизни.

Окрыленный этой уверенностью, он снова обратился к Инь Сюань:

— Шишу Лю одарил меня бесчисленными сокровищами и возможностями. Тебя никогда не грызли сомнения на этот счёт?

Инь Сюаньши помолчал, после чего глухо ответил:

— Шифу относится ко мне так же хорошо. То, что он делает для других — его личное дело.

Син Яньчжу лишь презрительно фыркнул. Он не понимал, как тот холодный и жестокий человек из прошлого превратился в это безвольное и довольное малым ничтожество. Если этот полудемон так легко опускает руки, то он без труда вернет свое.

— Всё, что делал шишу Лю, он делал ради меня, — продолжал он. — Дарил артефакты, спасал в моменты нужды, страдал от своего недуга — всё это лишь потому, что его сердце принадлежит мне.

Инь Сюаньши на мгновение замер, а затем с трудом сдержал горький смешок:

— Тебе что, дурной сон приснился? Шифу всегда держался с тобой отстраненно. О какой любви ты толкуешь?

Син Яньчжу, считавший, что видит всех насквозь, вальяжно улыбнулся:

— Отстраненно? Тогда почему он только что назвал меня Яньчжу? И почему он передал Призрачную орхидею темной ночи и водного цилиндра именно мне?

Если бы Лю Цинсянь сейчас пришел в себя и услышал это, он бы, вероятно, почувствовал себя самым несправедливо обвиненным человеком в мире. Для него Син Яньчжу был лишь ценным инструментом для получения баллов, а вовсе не объектом тайной страсти!

Но Лю Цинсянь спал, а Инь Сюаньши невольно начал сомневаться. Он вспомнил, как наставник строго запретил ему самому срывать ту орхидею.

Он помрачнел и поджал губы, не зная, что ответить.

Видя, что противник дрогнул, Син Яньчжу решил нанести сокрушительный удар.

— Всё, что у тебя есть сейчас — когда-то принадлежало мне. Я слышал, шишу Лю большой мастер в кулинарии? Ты никогда не задумывался, когда он успел научиться готовить столь сложные и изысканные блюда?

Этот вопрос и вправду давно мучил Инь Сюаньши. Он даже как-то спрашивал об этом самого Лю Цинсяня.

Тогда взгляд наставника стал туманным, словно он погрузился в далекие воспоминания, и он

лишь вздохнул: «Это не врожденный дар. Чтобы научиться готовить всё это, мне пришлось долго и упорно тренироваться».

Но ради кого он так старался? Для кого он годами оттачивал свое мастерство?

В душе Инь Сюаньи воцарился хаос. Неужели этот высокомерный выскочка прав?

И в этот миг перед глазами Инь Сюаньи возник образ наставника — его мягкая, теплая улыбка.

Он вспомнил каждое обещание, данное наставником. Они звучали так искренне и твердо, что не могли быть ложью.

Он — единственный ученик пика Линсюэ. С какой стати он должен верить словам чужака и сомневаться в собственном учителе?

Инь Сюаньи решительно вскинул голову. Он нанес ответный удар:

— Раз уж ты утверждаешь, будто шифу всё делает ради тебя, я задам тебе один простейший вопрос.

Син Яньчжу лишь надменно вскинул бровь, приглашая продолжать. Он был уверен, что знает о Лю Цинсяне больше, чем кто-либо другой.

Инь Сюаньи спросил без малейшего колебания:

— Откуда шифу берет ингредиенты для своего супа из бамбуковой грибницы с чаем Лунцзин?

Син Яньчжу опешил.

Он ожидал вопросов о тайных техниках, артефактах или привычках Лю Цинсяня, но никак не думал, что Инь Сюаньи спросит о чем-то настолько обыденном и приземленном!

В прошлой жизни Лю Цинсянь окружал его такой заботой, что Син Яньчжу никогда не задумывался о еде — она просто появлялась. Он понятия не имел, как выглядит этот суп и из чего он состоит.

Инь Сюаньи подождал немного и, увидев замешательство врага, победно усмехнулся:

— Вот видишь. Ты ничего не знаешь.

Он-то помнил, как они вместе с наставником тайком пробирались на пик Чжаньлэй, чтобы «позаимствовать» свежие побеги бамбука, и как он на собственной спине тащил домой Лю Цинсяня, когда тот, пытаясь выпросить чай на пике Цунлань, перебрал с вином. Наставник получал всё это лишь благодаря своему обаянию и дружбе с другими пиковыми лордами.

Но Син Яньчжу об этом не имел ни малейшего представления.

Уверенность вернулась к Инь Сюаньи. Он посмотрел на соперника почти с жалостью:

— Твоя значимость для наставника — лишь плод твоего воображения. Ты слишком много на себя берешь, раздувая важность тех крох внимания, что он тебе уделяет.

Его голос звучал спокойно и рассудительно:

— Если действительно любишь кого-то, нужно добиться того, чтобы человек открылся тебе, доверился и вверил свою жизнь. Только тогда можно сказать, что вы связаны по-настоящему.

Слова этого «мальчишки» разозлили Син Яньчжу. Какое доверие? В прошлой жизни Лю Цинсянь во всём полагался на него! Просто этот дурак не знает правды.

И всё же... в его душе поселилось зерно сомнения. Действительно ли Лю Цинсянь никогда ничего от него не скрывал?

Ведь если бы не эти вечные тайны, разве стал бы Син Яньчжу сомневаться в нём?

Он нашел оправдание своей ярости и с еще большей ненавистью взглянул на Инь Сюаньи. Все эти секреты наставника наверняка были как-то связаны с этим проклятым полудемоном!

Не желая признавать поражение, он едко парировал:

— Смелое заявление. А разве тебе шишу Лю ничего не договаривает?

Инь Сюаньи не отвел взгляда. Он не стал спорить, его лицо выражало полное равнодушие к чужим нападкам, что выводило Син Яньчжу из себя еще сильнее.

Пока они мерились тяжелыми взглядами, со стороны серебристого меха донеслось тихое шуршание.

Оба мгновенно забыли о ссоре и бросились к человеку, который вот-вот должен был очнуться.

— Шифу! — Инь Сюаньи осторожно приподнял Лю Цинсяня, помогая ему опереться на свое

плечо. — Вам лучше?

Син Яньчжу, не теряя времени, достал из пространственного кольца Призрачную орхидею темной ночи и протянул её Лю Цинсяню.

— Шишу Лю, эта орхидея обладает исцеляющими свойствами. Возьмите её, вам сразу станет легче.

Лю Цинсянь открыл глаза, чувствуя себя совершенно разбитым, но стоило ему вдохнуть прохладный аромат цветка, как разум прояснился.

— Благодарю, — улыбнулся он.

Инь Сюань бросил на Син Яньчжу испепеляющий взгляд поверх головы учителя, но тот лишь победно ухмыльнулся в ответ.

Лю Цинсянь, не замечая этих искр, с восторгом рассматривал растение.

«Система, а цветок-то знакомый...»

[Это же та самая орхидея, что вывела тебя из лабиринта в горном лесу Цзиньюй!] — отозвалась Система после сканирования.

Точно! Хотя в Тайном царстве Чжуолун этот цветок считался редкостью, в опасном лесу Цзиньюй он рос буквально на каждом шагу.

В первом прохождении Инь Сюань сделал из лепестков такой орхидеи бабочку, чтобы указать путь из тумана.

Взгляд Лю Цинсяня потеплел. Он серьезно посмотрел на Син Яньчжу:

— Мне очень нравится этот цветок. Кажется, у нас с ним какая-то особая связь.

Син Яньчжу тут же подхватил:

— Раз так, я дарю его вам, шишу Лю.

Цинсянь, решив, что его слова истолковали превратно, замахал руками:

— Нет-нет, я вовсе не это имел в виду!

Син Яньчжу мягко перехватил его запястье и тихо произнес:

— Шишу Лю сам отдал мне этот трофей. Разве я не волен распорядиться им по своему усмотрению и подарить тому, кому пожелаю?

Лю Цинсянь задумался. В логике ему не откажешь. Он не собирался отбирать у главного героя его добычу, но если тот сам её отдает... Что ж, глупо отказываться от такого подарка!

Представив, как посадит эту орхидею рядом с магнолиями на пике Линсюэ, он просиял и согласился.

Инь Сюань молча наблюдал за этой сценой. Он чувствовал себя лишним на этом празднике жизни, и в воздухе вокруг него отчетливо разливался аромат обиды.

Наконец, он не выдержал. Опустив взгляд, он буркнул:

— Пойду поищу выход.

«Раз демоны разделили вход на части, то и выходов, по закону равновесия, должно быть несколько. Нужно только поискать».

Лю Цинсянь, не заметив перемены в настроении ученика, лишь ободряюще кивнул:

— Хорошо, спасибо тебе.

И снова уткнулся в цветок.

Инь Сюань стало совсем тошно. Не в силах больше это терпеть, он ушел вглубь пещеры, стремясь как можно скорее найти дорогу, чтобы увести их всех отсюда.

Когда он скрылся из виду, Син Яньчжу буквально расцвел от гордости, чувствуя свою легкую победу над полудемоном. Но следующая фраза Лю Цинсяня обдала его ледяным холодом.

Лю Цинсянь нежно погладил лепестки и с улыбкой произнес:

— Помнится, Сюань когда-то сделал мне бабочку из лепестков такой же орхидеи...

Договорив, он внезапно осекся. Это же вторая попытка! Инь Сюань в этой жизни еще не видел таких цветов. Неужели он только что выдал себя перед Син Яньчжу?

Цинсянь осторожно взглянул на юношу, но тот казался спокойным. Лю Цинсянь облегченно выдохнул.

Он и не подозревал, какая буря бушует в душе Син Яньчжу.

«Если не считать Тайного царства Чжуолун, такие цветы растут только в лесу Цзиньюй. Значит, в той жизни Цинсянь всё-таки встречался там с Инь Сюаньи, когда отделился от нашего отряда...»

«У них двоих была связь еще тогда!»

Син Яньчжу посмотрел ледяным взглядом. Теперь он точно знал: от Инь Сюаньи нужно избавиться. Любым способом.

— Нашел! — к ним, тяжело дыша, подбежал Инь Сюаньи. Он так боялся оставлять наставника наедине с этим типом, что обшарил всё с небывалой скоростью.

Лю Цинсянь обрадовался и хотел было встать, но из-за последствий Механизма наказания ноги его подкосились.

Инь Сюаньи и Син Яньчжу синхронно рванулись вперед и подхватили его под руки.

Лю Цинсянь замер в недоумении.

Инь Сюаньи выпалил первым:

— Шифу, чтобы не терять времени, я понесу вас на спине.

—... Хорошо, — кивнул Лю Цинсянь, чувствуя, что атмосфера между парнями становится всё более странной.

***

Они направились к выходу на дне бездны. По пути Система умудрилась обнаружить еще два тайника с сокровищами. Лю Цинсянь, рассудив, что баллы лишними не бывают, отправил Син Яньчжу забирать добычу.

Устроившись на спине Инь Сюаньи, он не видел, как мрачнеет лицо его ученика и какими торжествующими взглядами обменивается с ним Син Яньчжу каждый раз, когда они равнялись друг с другом.

Вскоре впереди забрезжил свет портала.

Шагнув через него, они увидели Дао Сяово. Тот вместе с Фэн Уянем сгорал от нетерпения у входа в тайное царство. Заметив их, он буквально просиял:

— Наконец-то! Вы хоть представляете, что устроили ученики пика Гуаньюй...

Лю Цинсянь тоже обрадовался встрече. Он поспешил слезть со спины Инь Сюаньи, собираясь подойти к Дао Сяово, но оба его спутника тут же, словно по команде, бережно и ревниво подхватили его под локти.

Дао Сяово, собиравшийся вывалить на него новости, осекся на полуслове. Он ошарашенно перевел взгляд с одного на другого и невольно выдохнул:

— Настоящее поле битвы...

<http://bllate.org/book/17557/1713870>